

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Состояние церкви. — Великий раскол и соборное движение. — Гуситская война и конец Люксембургского дома. — Начало Габсбургов. — Конец Базельского собора

Как уже было сказано, в 1377 г. Григорий XI, преемник Урбана V, снова перенес папскую резиденцию из Авиньона в Рим. После его смерти в 1378 г. римское население хотело, чтобы папой стал итальянец, по возможности даже римлянин, и кардиналы, хотя в основном и французские, испуганные таким настроением, выбрали неаполитанца *Урбана VI*, архиепископа в Бари. Этот папа горячо принялся за реформы, не скупясь на упреки самим кардиналам, что не могло нравиться этим церковным курфюрстам, привыкшим к почету и роскоши и не желавшим принуждать себя к тому аскетическому образу жизни, на который обрекал себя новый папа, требуя того же от других. Они считала Урбана безумцем, и их большая часть, двенадцать «ольтрамонтани»¹, бежав в Ананьи, объявили там избрание Урбана недействительным и выбрали в Фонди француза, уроженца Женевы кардинала Роберта, под именем *Климента VII*. Он был признан Джованной I, неаполитанской королевой (с 1343 г.), и Францией и снова поселился в Авиньоне. Ему постепенно подчинились и другие государства, политически зависимые от Франции или находившиеся с ней в дружеских отношениях, как, например, Шотландия, Савойя, Кастилия, Арагон, Наварра. Но немецкие земли, Германия и Англия, Дания, Швеция, Польша признавали Урбана. Таким образом возник *великий раскол*, «схизма», разъединившая западную церковь.

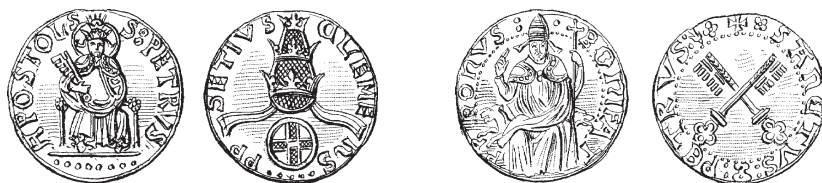
Состояние
церкви с
1377 г.

Повсюду горячо обсуждался вопрос о правильности избрания Урбана. После его смерти в 1380 г. казалось удобным восстановить единство церкви, но римские кардиналы тотчас же выбрали нового папу — *Бонифация IX*, а когда в Авиньоне умер Климент VII (в 1394 г.), французские кардиналы, со своей стороны, провозгласили папой *Бенедикта XIII*. После кончины Бонифация его партия избрала еще одного папу, а затем, когда и тот в 1406 г. умер, еще одного — *Григория XII*. Все эти папы боролись друг с другом, извлекая духовное оружие из своего неистощимого арсенала. Они не щадили взаимных анафем, что смущало народную совесть или, лучше сказать, притупляло ее. Многие говорили, что вместо двоих можно иметь и дюжину пап или, пожалуй, своего для каждой страны. Но духовное оружие было малодейственно в подобной борьбе; нужно было другое, мирское, а для него требовались деньги. И до этого изобретательность курии в деле вымогания денежных средств вызывала удивление и ропот. Теперь все эти злоупотребления еще больше

Раскол.

¹ «Живущие за горами» (Альпами), т. е. не итальянцы.

выросли, заслуживая названия симонии, которым метко заклеяла их старая церковь. К так называемым «бенефициям», получение которых через папу совершалось тоже не без денег, добавились обещания будущего получения доходных мест — «*gratiae expectativae*». К «*аннатам*», т. е. годовому пользованию приходом, прибавились «*сполии*» или выморочное движимое и недвижимое имущество умерших прелатов. Все это вместе образовывало богатый

Слева: золотая монета антипапы Климента VII (1378–1394). Справа: серебряная монета папы Бонифация IX (1389–1404). Париж. Нумизматический кабинет.

приток в папскую казну. Коллекторы и подколлекторы собирали эту дань под разными названиями: «резервации», «превенции», «деволюции», «коменды»¹, смертного случая при папском дворе, разрешительных грамот. Верным признаком разложения церкви было растущее число *сект* и братств, таких как апостольские братства, бегарды и бегины², братья совместного жития и пр. Если все эти сектанты и не разрывали до конца своей связи с общей церковью, то их обилие доказывало, что она в своем настоящем виде не удовлетворяла религиозных потребностей разнообразных общественных слоев. Эта неудовлетворенность чувствовалась не только глубокими, но и легкомысленными натурами, возмущая наиболее серьезные умы, потому что естественным последствием укоренившейся симонии, разраставшейся до чудовищных размеров вследствие самой схизмы, было усиливавшееся обмирщение и искажение духовного сословия. Лицам, случайно попадавшим ко дворам языческих государей, приходилось выслушивать там, что христианам теперь легче живется, чем прежде: у них двое богов, которые могут отпускать им грехи, и если один не захочет, то можно обратиться к другому.

Преобразовательное движение. Собор в Пизе.

Такое печальное положение чувствовалось во всех странах всеми сословиями. Но исправить его было трудно, потому что церковь вытеснила мирских властителей из их законной сферы, этих жизненных и содействующих членов церкви, предъявляя им непомерные претензии. Между тем без помощи этих самых властителей церковная реформа была невозможна. Как учила уиклифская ересь, дело должны были взять в свои руки светские князья. Действительно, немецкий король Вацлав и французский король Карл VI решили

¹ *Резервация* — право назначения на место, оставляемое папой за собой. *Превенция* — право просить папу непосредственно, минуя епископов. *Деволюция* — перенесение духовной должности на избираемое им лицо. *Коменда* — доход, назначаемый папой духовному лицу, определенному королем.

² *Бегарды* — секта, проповедовавшая идеальное совершенство, хотя и допускавшая многие безобразия. *Бегины* — секта, считавшая себя третьим орденом святого Франциска.

водворить в церкви единство, заставив обоих пап отказаться от своего сана. Но те не собирались этого делать. Начатые по этому поводу переговоры велись только для вида. Среди этого вырастала новая, непредвиденная сила, которая находила ответы на то, перед чем немела догматика и существовавшее каноническое право. Эта сила заключалась в свободном знании и *университетах*, которые стали быстро развиваться со второй половины XIV в. в Праге (1348 г.), Вене (1365 г.), Гейдельберге (1387 г.), Кёльне (1388 г.), Эрфурте (1392 г.), причем наиболее прославившиеся, *Парижский* и *Оксфордский*, занимались самыми наболевшими вопросами, в основном церковной реформой «сверху донизу» и созванием *вселенского собора* для этой цели. Но кто имел право его созвать? Это было очень серьезным вопросом. Однако под давлением общественного мнения кардиналы обеих курий создали такой съезд в Пизе в марте 1400 г. Два вожака реформенной партии, камбрейский епископ *Пьер д'Айи* и канцлер Парижского университета *Жан Жерсон* заняли главенствующее место на этом соборе, который повел дело решительно, объявил обоих пап, Бенедикта и Григория, низложенными, и избрал нового, Петра Филарго, уже немолодого, под именем *Александра V*. Собрание было торжественным, в нем участвовали 22 кардинала, 3 патриарха, 12 архиепископов, 80 епископов, 87 аббатов. 300 докторов богословия и канонического права были представителями 15 университетов. Решения были резкими, но преобразовательное движение не было еще всесокрушающим, собор еще не опирался на могучую народную силу. Александр V, хороший богослов, не способный однако противостоять своим кардиналам, распустил собрание, в то время как оба низложенных схизматика продолжали считать себя законными папами. Таким образом, появилось уже трое наместников святого Петра, причем всей богословской и юридической учености было недостаточно для определения, кто из них был на самом деле настоящим и правомерным.

В это время в *Чехии* развилось движение, непосредственно примыкавшее к ереси Уиклифа. В Праге, отличавшейся умственным развитием, давно уже высказывались протесты, теперь же к ряду таких реформаторов, как Штитный, Милич, Матвей из Янова, примкнул молодой священник, степенный и высоко-нравственный искренний проповедник чех *Ян Гус*, родившийся в 1369 г. в пограничном местечке Гусинце. Он рано занял место при университете и, начиная с 1402 г., привлекал к себе общее внимание, состоя проповедником при Вифлеемской часовне в Праге и духовником королевы Софьи. Сочинения Уиклифа читались в Праге уже с 1381 г., еще при жизни автора. Университеты сохраняли тогда между собой живую связь, поддерживаемую постоянным наплывом и перекочевкой учащихся. Дух этих сочинений и практическая сторона учения Уиклифа вызвали сочувствие прямодушного Гуса. Он

Печать факультета богословия Парижского университета. 1398 г. Париж. Национальный архив.

Чехия.
Ян Гус.

говорил, что хотел бы поравняться с тем уровнем, на котором стояла душа Уиклифа. Особенно повлиял на него доклад Уиклифа «Tractatus de ecclesia», основные положения которого воспроизведены Гусом в его собственном сочинении под тем же названием. Опасных идей о «пресуществлении» Гус, кажется, не усвоил, хотя и его мог привлекать какое-то время спиритуалистический взгляд на таинства. Однако при всей своей христианской прямолиней-

Подпись Яна Гуса.

«IOHANNES HUS MAGISTER IN ARTIBUS» (Ян Гус, магистр искусств).

ности он проявлял крайнюю осторожность и совестьливость в суждениях о частностях некоторых главных вопросов. Но его друзья, например, рыцарь *Иероним Пражский*, принимали учение Уиклифа безусловно. Таким образом, в университете, полном приезжими студентами, царило большое возбуждение. К богословско-философскому спору присоединялась и племенная вражда, задевавшая университетский устав. В совете заведения, ведавшем широкими интересами, большинством голосов располагали немцы, что унижало национальные права чехов. Благодаря влиянию своего знаменитого проповедника они смогли добыть королевский декрет, гласивший, что отныне чешская нация должна была иметь в совете три голоса, а иностранцы лишь один. Это привело к разрыву: иностранные профессора и студенты покинули Прагу. Переход их в новый *Лейпцигский университет* вызвал расцвет этого заведения, получившего в том же 1409 г. утверждение папы. Все это было жестоким ударом для немецкого элемента в Чехии, и у магистра Гуса появилось множество врагов. Пражский архиепископ, получив полномочие у папы Александра V, сжег все сочинения Уиклифа и запретил проповедование в частных часовнях. Гус не покорился этому распоряжению, за что был отлучен, но король, дворянство и университет были на его стороне. Король выступил против архиепископа, говоря, что духовенство было довольно, пока Гус обличал мирян. Следовало бы ему остаться довольным, когда тот же Гус принял и за обличение грехов духовенства. Сам Гус, не обладавший большим научным глубокомыслием, но питавший глубокое убеждение в ответственности перед Богом, как и большинство членов его сословия, укреплялся в мысли, что человек, получивший от Господа назначение проповедовать, должен делать это невзирая ни на какие угрозы и отлучения. Такое убеждение должно было, несомненно, увести его за пределы, установленные существовавшей католической церковью, в чем, по-видимому, он не давал себе полного отчета. Как бы верно ни было то положение, что глубокая внутренняя уверенность благочестивого человека в возложенном на него свыше поручении обязывает его к

известным деяниям, без всякого соотношения со взглядами каких бы то ни было земных властей — такое положение все же не католично: католическая церковь больше не знала никаких божеских внушений без посредничества ее властей, с тех пор как превратилась в учреждение церковников и пап. Перед растущим общим сопротивлением архиепископ на время умолк, но вскоре раскол проявился еще резче (1412 г.). Папа отлучил Гуса и запретил ему пребывание в Праге. Отлученный удалился тогда в Гусинец, но продолжал проповедовать и издал подобие манифеста, в котором взывал к Христу о суде между ним и папой.

Это обращение от ложного, внешнего и преходящего проявления католической церкви к ее извечному принципу имело глубокое значение для того пути, по которому развивался вопрос о церковной реформе. С тех пор как ненормальному положению в германском государстве, бывшему в 1410 г. таким же «трехглавым чудовищем», как и церковь, был положен конец и Сигизмунд признан единым, законным королем, движение в пользу церковной реформы и ожидание всеобщего собора, который должен был провести эту желанную реформу «сверху и донизу», получило новое подкрепление. После смерти Александра (1410 г.) папой был избран кардинал, легат в Косе, Бальтазар под именем *Иоанна XXIII*. По отзывам его противников он считался человеком порочным, во всяком случае, его прошлое, что было, впрочем, обыденным явлением среди высшего духовенства. Сигизмунд встретился с папой во время одной из своих поездок в Верхнюю Италию и предложил ему в качестве необходимой меры созвать собор, что этому искушенному в мирских треволнениях человеку было нетрудно разъяснить другому, стоящему на одном уровне с ним. Они сошлись и относительно места для этого съезда, в результате чего в декабре 1413 г. папа издал буллу, которой собор созывался на 1 ноября 1414 г. в *Констанце*, на Боденском озере, — следовательно, на германской территории. Этот долгожданный собор действительно открылся 5 ноября 1414 г. при личном присутствии самого Иоанна XXIII. Съезд был блестящим даже с внешней стороны: налицо были 3 патриарха, 29 кардиналов, 33 архиепископа, 150 епископов (треть которых состояла из папских креатур, «бедных итальянских прелатов»), 100 аббатов и 300 докторов. Кроме того, прибыли многие лица из светской знати, привлеченные важностью под-

Констанц-
ский со-
бор.

*Въезд папы Иоанна XXIII (1410–1415)
в Констанц в 1414 г.*

*Над балдахином — изображение процессии
Святого причастия.*

лежавших обсуждению дел и удобным случаем. В самые блестящие дни собора число присутствовавших доходило до 80 тысяч. К Рождеству прибыл и король Сигизмунд. Но внешнее величие съезда все же уступало его внутреннему значению. Речь шла не только об устранении самых тягостных и вопиющих злоупотреблений, худшим из которых была схизма и незаконное существование трех пап, но и о преобразовании самодержавного правления церковью в конституционное, о ее способности на усовершенствование и постоянный прогресс. При этом такое преобразование, которое в случае успеха могло бы считаться полным обновлением, рождением новой церкви, должно было свершиться мирным, законным путем, с помощью учредительного собрания, в состав которого должны были войти ученейшие мужи различных европейских стран. Общее настроение было благоприятным, перевес — на стороне партии, требовавшей реформ.

Собор
и папы.

Собор ставил перед собой тройную задачу: веру (*causa fidei*), единение (*causa unionis*) и преобразование (*causa reformationis*). Но предварительно предстояло решить важный вопрос о том, как должны были подаваться голоса собравшимися отцами: *понародно* или *поголовно*. Последний способ мог оказаться невыгодным для партии реформы, потому что большинство было бы тогда на стороне итальянцев — креатур папы Иоанна, за небольшими исключениями, в то время как при голосовании по нациям — Франция, Германия, Англия, Италия, — в самом худшем случае, партия имела тройной перевес. Вопрос был решен в пользу либералов, друзей реформы (февраль 1415 г.). Затем, как заявил оратор от этой партии кардинал Пьер д'Айи, прежде всего, согласно воззрениям реформаторов, следовало искоренить схизму. Все три папы, насколько правильно или неправильно они пользовались этим именем, должны были добровольно сложить с себя сан. Пронырливый Иоанн обещал в марте выполнить это требование, если то же сделают и остальные папы, Григорий и Бенедикт. Он надеялся, что собор выберет его тогда единственным папой. Но когда он заметил враждебное к себе отношение, — вполне заслуженное, как он не мог не сознаться в этом, — то решил уйти из неприятного места, в которое вступил со словами: «Так ловят лисиц». С помощью герцога Фридриха Австрийского, которым руководила отчасти зависть Габсбурга к императору из Люксембургского дома, и других князей, папа бежал, переодевшись конюхом, во время турнира в Шаффхаузене (20 марта). Это грозило опасностью: партия реформы была окружена интригами, целью которых был срыв собора. Но руководители реформы не пали духом и стали действовать энергично: после одной речи канцлера Жерсона (23 марта) собор резко заявил в виде основного постановления, что он, святейший собор, заседающий в Констанце, остается в неприкосновенности и силе, несмотря на все, что когда-либо и кем-либо против него утверждалось. Другими словами, собор декларировал свое превосходство, заявляя, что это церковное собрание говорило от имени самой церкви, было самой католической церковью. И одержавшая победу партия поспешила сделать из сказанного необходимые выводы. Гроза разразилась в первую очередь над Габсбургом: он был приговорен к ссылке и отлучен от церкви. Множество городов и владетельных лиц при-

слали ему в ближайшее время объявления войны. Военачальником при исполнении приговора о его изгнании был назначен бургграф Нюрнбергский. Поход состоялся быстро; крепости Фридриха и даже его старый Габсбург были разрушены, он должен был предать себя на милость императора и лично просить о помиловании в трапезной Констанцкого монастыря миноритов. И Бальтазару (папе Иоанну), которому он покровительствовал, не удалось далеко уйти. Несколько кардиналов, посланных за ним в погоню, привезли его обратно, а либеральная партия, завершая свою победу, затеяла против него формальный процесс, на котором не было недостатка в самых тяжких обвинениях и который закончился его низложением (29 мая), вполне заслуженным, если верить тому, что было сказано против него свидетелями на суде. Он был отдан под стражу Фридриху Гогенцоллерну, бургграфу Нюрнбергскому. Через несколько дней снял с себя сан 83-летний Григорий XIII. Только Бенедикт XIII продолжал упорствовать, но скоро у него совсем не осталось приверженцев, потому что испанские владения от него отвернулись и Испания присоединилась к решению четырех остальных государств.

Партия церковной реформы провела все дело против папства очень смело. Она считала себя обязанной доказать свету, что пребывает на почве старокатолического единства, — ортодоксальности, — и постаралась сделать это с помощью процесса против чешского проповедника Яна Гуса, который прибыл в Констанц в начале ноября 1414 г. с охранным листом императора, а 28 ноября был арестован по обвинению в еретичестве. С мая по начало июля длился процесс, закончившийся осуждением Гуса. В его лице собор хотел поразить ересь и особенно ересиарха Уиклифа, учение которого было торжественно осуждено на восьмом заседании собора. Один из отцов доктор Стефан Палец сказал Гусу: «С самого рождения Христова никто не писал более губительного для церкви, чем ты и Уиклиф». Гус отрицал солидарность с Уиклифом, особенно относительно его учения о пресуществлении, и утверждал, вопреки показаниям чешских нотаблей, что никогда не учил в духе Уиклифа, вообще никогда не отступал от церковного учения и не мог признать себя еретиком. Но при всем этом он не переставал думать и даже настойчиво подтверждал, что каждый, призванный Господом проповедовать, должен повиноваться такому призванию, несмотря на духовное начальство и всякие отлучения. Если на первом допросе он заявил, что готов отречься, если хотя бы самый младший член собора *докажет* ему его заблуждение, то это было ересью из ересей, потому что он требовал свободного *обсуждения* там, где ему следовало просто покоряться *решению* собора, властному слову церкви. Здесь жестоко, лицом к лицу боролись два принципа, два мировоззрения, два века. С одной стороны, *принцип церковного авторитета*, в самом блестящем своем проявлении, вселенском соборе, потому что этот собор готовил реформу, служа представителем великого союза народов обновленной западной церкви, с другой — принцип протестантский, евангельский, *принцип христианской совести* в ее непосредственном общении с Богом и Христом, без посредства священника или церкви. Этот принцип воплощался смиренно, несовершенно, в исповедании и личном убеждении оди-

Процесс
Гуса.

ногого, не обладавшего выдающимся умом, но честного и набожного человека. Большинство членов собора не желало смерти Гуса, как это часто утверждают протестантские историки. Он должен был лишь отречься, т. е. покориться власти церкви и, со своей точки зрения, бывшей и точкой зрения

Осуждение Яна Гуса. Миниатюра из хроники Ульриха фон Рихенталя, написанной в 1417 г. Констанц. Национальная библиотека.

Ян Гус идет на казнь. Миниатюра из хроники Ульриха фон Рихенталя, написанной в 1417 г. Констанц. Национальная библиотека.

существовавшего, еще не изменившегося, общественного государственного строя, они были вполне правы в этом требовании. Ему даже облегчали это отречение от идей Уиклифа, о которых главным образом шла речь и которые он будто бы признавал, по представляемым доказательствам. Один из главных членов собора даже старался разъяснить ему последовательность такого отречения: если он, Гус, утверждает, что не разделяет известных положений Уиклифа, то его отречение было бы лишь повторением этого отказа, только в другой форме. Но Гус постыдился прибегнуть к такой чисто схоластической диалектике, допустившей столько лжи под видом истины. Он возразил с логикой строгой правдивости, что отречься — значит отказываться от того, что признавалось прежде, но он никогда не признавал тех положений, поэтому ему и нельзя от них отречься. Его нельзя было переспорить, и потому пришлось убить тело, если нельзя было убить дух. В своем последнем показании Гус повторил воззвание, на этот раз прося Христа рассудить его и собор. В собрании, которое имело на своей стороне все написанные и завещанные преданием права, такое обращение могло показаться только забавным, и ответом на слова Гуса был общий смех. Тяжкий, страшный смысл происшедшего поняли немногие, и то лишь поскольку их не поглощали повседневные заботы и суета. Смертный приговор был произнесен и приведен в исполнение 6 июля 1415 г. Оправдание относительно охранного листа скоро нашлось. В сущности, такая охрана не могла иметь большого значения там, где речь шла о произнесении и

Hæc fuit effigies quondam uenerabilis Husi,
Dum sua pro Christo membra cremanda dedit.

Na Obraz Adistra Jana Husy/
Múčednyka Božjeho.

Ян Гус на костре. Гравюра 1563 г. Прага.

Надпись наверху (на латыни): «Это изображение достопочтенного Гуса, некогда положившего жизнь на костре за Христа». Внизу (по-чешски): «Изображение магистра Яна Гуса, мученика во имя Божье».

исполнении церковного приговора, хотя Сигизмунд и подумывал о вмешательстве в дело. Но богословы нашли лазейку в том, что необязательно держать слово перед тем, кто сам изменяет своему слову перед Богом. Гус принял смерть на костре — обычный вид казни за преступления, вымышленные фанатизмом, с твердостью ученика Христа и мученика за великий принцип (6 июля 1415 г.). В следующем году той же смертью погиб Иероним, также привезенный в Констанц. В минуту слабости он отрекся, но вскоре снова воспрял духом и взял назад свое отречение. Собору вскоре пришлось

Монета папы Мартина V (1417–1431). Париж. Нумизматический кабинет.

узнать, что значило придать новому учению такого мученика, как Гус. Было внутреннее противоречие в том, что преобразовательный собор начинал свои реформы с сожжения человека, мечтавшего о реформах. *Дело реформы*, составлявшее главную задачу собора, уже приближалось к той мели, о которую должно было разбиться. Схизматические папы были устранены, потому что власть упорного Бенедикта простиралась лишь на тот испанский городок, в котором он пре-

бывал. Немецкий народ с императором Сигизмундом, а сначала и Англия, требовали, чтобы преобразование церкви было завершено до избрания нового папы. Но большинство кардиналов были против этого, на их стороне были и другие государства и все те лица, которые страдали от сложившегося неопределенного порядка.

**Папа
Мартин V.**

Весь 1417 г. прошел в переговорах, закончившихся, как это обычно бывает в подобных условиях, чем-то средним. По крайней мере, так казалось, но в сущности это было возвращение к старому порядку. На 39-м заседании собора (октябрь 1417 г.) была принята общая программа реформ, и через несколько недель был избран новый папа из дома Колонна, *Мартин V*. Старый монархический строй папства был восстановлен, и папа Мартин сумел воспользоваться обстоятельствами. Он снова был первым, законным, несомненным, единоличным папой. Восторженное настроение первых лет на пользу реформ ослабло среди кропотливых подробностей этой преобразовательной работы. Людям требовалось спокойствие традиции, которое поэт так метко назвал «вечно вчерашним». Теперь нетрудно было затереть все, что требовалось, а именно — общую реформу «сверху донизу». Новый папа занялся конкордатами с отдельными государствами, оставляя в стороне самые вопиющие злоупотребления. Впрочем, оба октябрьских заседания (1417 г.), 39-е и 40-е, ознаменовались очень важными решениями. Было установлено следующее: правильный созыв соборов через каждые 5, иногда 10 лет; при новой схизме немедленный созыв собора и принятие им верховного решения; этот церковный порядок обязателен для пап; признается необходимым прекратить или ограничить многие злоупотребления (следовал их длинный перечень). Все это было хорошо, но собрание, не вдохновляемое более притоком жизненных христианских сил, уже не обладало достаточной энергией для осуществления

указанных мер. 12 апреля 1418 г. папа объявил собор закрытым после сорока пяти заседаний и 16 мая уехал. Его белого иноходца вел под уздцы император, четыре имперских князя поддерживали кисти пунцовой конской попоны, а четыре графа несли балдахин над всадником... Папство покидало роковое поле битвы со всеми воинскими почестями.

Но умы были слишком взволнованы для того, чтобы жизнь опять спокойно вошла в старое русло покорности, и в Чехии сопротивление приняло большие размеры. Процесс Гуса, презрение к Чехии, справедливо или нет приписываемое собору, ненависть к Сигизмунду — все это вызывало сильное брожение в стране. Гусу поклонялись как мученику, и большое собрание чешских и моравских магнатов отправило еще в сентябре 1415 г. на собор свой протест, составленный в непочтительных выражениях. Особенно важным было то, что оппозиция уже имела знамя, вокруг которого могла собираться. Один пражский пастор, *Яков из Миза* (Стршибро), предлагал чашу и мирянам, т. е. давал им причастие в обеих формах, *sub utraque*. Гус из своей темницы дал разрешение на эту старинную форму обряда, державшуюся в христианской церкви до XII в. Образовался союз защиты свободной проповеди и сопротивления отлучению. Университет также высказался в пользу *sub utraque*. Огромная толпа под предводительством двух дворян, Микулаша из Гуси и Яна Жижки из Троцнова (Траутенау), отправилась на гору Табор около Праги, отпраздновала там причастие под двумя видами и жестоко расправилась с думой пражского Нове-Места, члены которой хотели помешать благочестивому торжеству (июль 1419 г.). Король Вацлав, не имевший возможности помешать происходившему, был поражен апоплексией и умер через несколько дней. Император Сигизмунд, «предавший Гуса под нож», стал теперь королем Чехии. Это подлило масла в огонь.

Гуситы
в Чехии.

Гуситы распались на умеренных, или «*каликстинцев*» (иначе чашников, т. е. сторонников причастия и от чаши, или в обеих формах) и радикалов, или «*таборитов*» (от горы Табор), которые повели свою ожесточенную войну против церкви и монастырей, священнослужителей и монахов. Сигизмунду предстояло завоевывать Чешское королевство. Его друг Фридрих Гогенцоллерн, ставший с 1415 г. курфюрстом Бранденбургским, дал ему дельный совет, который был, однако, слишком простым и хорошим для того, чтобы ему последовал человек с таким односторонним умом, как Сигизмунд. Фридрих советовал ему смотреть на дело только с государственной точки зрения, т. е. войти в соглашение с умеренными, сделав им необходимые уступки, а все церковное предоставить решению будущего собора. Но мысль о том, что в каком-нибудь государстве могут рядом спокойно проживать люди, одни из которых причащаются в *одной*, а другие в *двух* формах, была слишком новой, хотя может показаться очень простой. Сигизмунд отверг предложения умеренной партии и требовал разоружения. Встретив отказ, он с согласия папы возвестил крестовый поход против еретической Чехии. Собрал значительное войско, около 100 тысяч человек, он терпел поражение за поражением. Так и не удался ему штурм Жижковой горы около Праги (1420 г.). Гениальным вождем гуситов был дворянин *Ян Жижка*,

Гуситские
войны.

который соединял в себе религиозный фанатизм и ясность ума настоящего военачальника и к тому же пользовался безграничным авторитетом. Это позволило ему даже после того, как он совершенно ослеп, удержать победу за гуситами. Нашествие немцев только подстрекало религиозный и национальный фанатизм чехов. В стране против всего, что не примыкало к ним, свирепствовали табориты. Они требовали уничтожения всех городов за исключением истинно правоверных, всех книг, кроме Библии, и каждый истинно верующий должен был преследовать всякое уклонение от исповедуемого им закона. Поход 1421 г. был для имперцев тоже неудачным и закончился их отступлением. В январе 1422 г. Жижка нанес им новое поражение. Он научился военному делу, участвуя в качестве польского наемника в битве под Танненбергом¹, столь роковой для Тевтонского ордена. Жижка прожил достаточно долго для того, чтобы дисциплинировать свое войско и научить его полезным тактическим приемам. Оружием толпы служили цепи с железной оковкой; телеги, на которых ехали

Ян Жижка. Со старинной гравюры.

за войском женщины и дети, тоже служили Жижке для боевых целей: эти деревенские фуры, превращенные в военный обоз, быстро образовывали укрепленный лагерь и так же быстро раздвигались вновь, когда войско снималось с места. Жижка умер в 1424 г. С его кончиной партия распалась на две части: одна осталась под предводительством *Прокопа Голого*, другая, названная «сиротской», управлялась военным советом, во главе которого стоял *Прокоп Малый*. Эти партии не довольствовались обороной, но истребляли все огнем и мечом, устремляясь из Чехии, представляющей собой естественную крепость, в соседние страны — «земли филистимлян и моавитян» на языке фанатизма, отуманенного ветхозаветными представлениями. Так опустошили они Австрию, Венгрию, Саксонию, Майсен, причем их учение, подкрепляемое победами над войсками, организованными по старому образцу, начинало привлекать к себе родственные элементы и из других краев. Фанатическая партия взяла верх и в Праге, губернатор которой, из партии умеренных, был низложен. Начатые переговоры ни к чему не

¹ У нас обычно называется Грюнвальдской битвой.

*Разграбление села во время гуситских войн. Из лицевой рукописи XV в.
Нюрнберг. Германский музей.*

привели. Пятый крестовый поход под предводительством бранденбургского курфюрста Фридриха (1431 г.) закончился еще плачевнее прежних. При *Домажлице* войска стали обращаться в бегство, едва заслышав грохот военного обоза гуситов и звуки их боевой песни. Кардинал Джулиано Чезарини, сопровождавший войско, оставил даже свою шляпу в руках неприятеля, захватившего огромную добычу.

Такие печальные события снова оживили соборное движение, и еще Мартин V, так удачно сумевший выбраться на старую дорогу, был вынужден созвать один собор в Павии (1423 г.), другой в Сиене (1424 г.), впрочем, больше для формы, потому что оба они остались совершенно безрезультатными. После этого он созвал третий собор в Базеле, который имел большое значение вследствие поражения при Домажлице. Мартин умер вскоре после открытия

Базель-
ский со-
бор.

Коронация императора Сигизмунда папой Евгением IV. Бронзовый рельеф на воротах собора святого Петра в Риме.

Выполнены в 1447 г. Антонио Филарете и Симоне Донателло по заказу Евгения IV.

съезда. Его преемник *Евгений IV* (1431–1447), испуганный самостоятельностью, проявляемой собором, решил его распустить и созвать новый в Болонье. Базельский собор тогда решительно вступил на путь реформы. Он возобновил констанцские постановления, определявшие отношения общих соборов к папству, и навел страх на папу и кардиналов началом судебного следствия. Главнейшие частные реформы, предварительно обсужденные в комиссиях, были утверждены; папские доходы урезаны. Назначались очередные соборы, епархиальные и областные; капитулы, монастыри, общины пользовались правом полной свободы выборов; многие резервации (назначения, зависевшие от пап)

и аннаты (ежегодные дани в папскую казну за назначение, часто почти равнявшиеся ежегодному доходу самих епископов) были уничтожены; но самым настоятельным требованием было примирение с Чехией, против которой теперь уже нельзя было выступать с одними властными приговорами, как против Гуса. С «таборитами» и «сиротами» невозможно было заключать никаких соглашений: они продолжали свои войны, но посольство от партии умеренных из трехсот воинов во главе с Яном Рокицаной прибыло в Базель. Собор принял «*Пражские компакты*», что представляет собой почти единственный случай, в котором церковь поступилась одним из своих существеннейших догматов (ноябрь 1433 г.). Чехия и Моравия получили право причащения sub utraque, с тем добавлением, что духовенство должно было разъяснять своей пастве, что под каждым из этих видов содержится «Христос вполне» — «integer et totus Christus». К разрешению свободы проповеди также было добавлено, что могут проповедовать «способные священники и миряне», с разрешения своего начальства или посланные им, при сохранении подчинения папе, согласно постановлениям святых отцов. Общие преступления священников рассматривались обыкновенными судами. Первым последствием такого соглашения для Чехии было то, что табориты сочли его изменой и вступили в открытый бой с умеренными. Эти последние, соединясь с другими консервативными элементами против партии разрушения, собрались с силами и разбили таборитов при Чешском Броде¹. Кормило правления перешло в руки аристократического элемента в стране. Сигизмунд проявил предупредительность, утвердил компакты и избрание Рокицаны в архиепископы и в 1436 г. прибыл в Прагу признанным королем.

Сигизмунд находился в хороших отношениях с собором, заседавшим в Базеле и усердно проводившим свои реформы благодаря этому покровительству. На 23-м заседании (1436 г.) был утвержден пространный декрет, в котором согласно констанцским постановлениям определялся порядок папского избрания и подробно излагались обязанности пап. Избранный должен был произнести нечто вроде профессиональной, конституционной присяги при его увенчании, прежде чем ему присягали на подчинение. Это, конечно, не могло не раздражать папу, и без того уже недовольного тем порядком, которым велось дело гуситов. Курия во все времена обладала преимущественным правом требовать строгого проведения ее воли или, если угодно, католических принципов, не справляясь с благом государства или населения. Но при этом щекотливом и затруднительном обстоятельстве члены собора проявили действительное единодушие. Папа Евгений, обманутый мелькавшим перед ним миражом воссоединения греческой и римской церквей, надеялся воспользоваться этим самообольщением для перенесения собора в другое, более благоприятное место. Но расчет оказался ошибочным: на самом соборе произошли бурные споры между большинством и меньшинством, и в июле 1437 г. сам папа попал под обвинение. В сентябре он ответил на это буллой, переносившей собор в *Феррару*. Здесь в январе 1438 г. состоялся собор, нечто вроде

**Пражские
компакты.
Собор
и папа
Евгений IV.**

¹ В отечественной литературе эта битва называется битвой при Липанах.

собора, потому что многие из базельских отцов перешли на сторону папы. Прибыл в Италию и греческий император, сделавший первую попытку к единению с западной церковью; его сопровождало множество епископов. Догматические словопрения велись с большой торжественностью, но Базельский собор ответил на папскую буллу и на последовавшее за нею открытие анти-собора низложением папы (январь 1438 г.).

Император Сигизмунд отдает бургграфу Фридриху Нюрнбергскому в лен Бранденбургскую марку. Раскрашенная гравюра на дереве. Из книги Антона Зорга, напечатанной в Аугсбурге в 1483 г. Прага. Университетская библиотека.

Император — слева на троне. За ним с церемониальным мечом — герцог Рудольф Саксонский; другие князья держат скипетр и державу. Бургграф Фридрих Гогенцоллерн — справа впереди, стоит на одном колене со знаменем Бранденбурга (с красным орлом) в руках. За ним также на одном колене стоит рыцарь со знаменем Гогенцоллернов.

**Смерть
Сигиз-
мунда.**

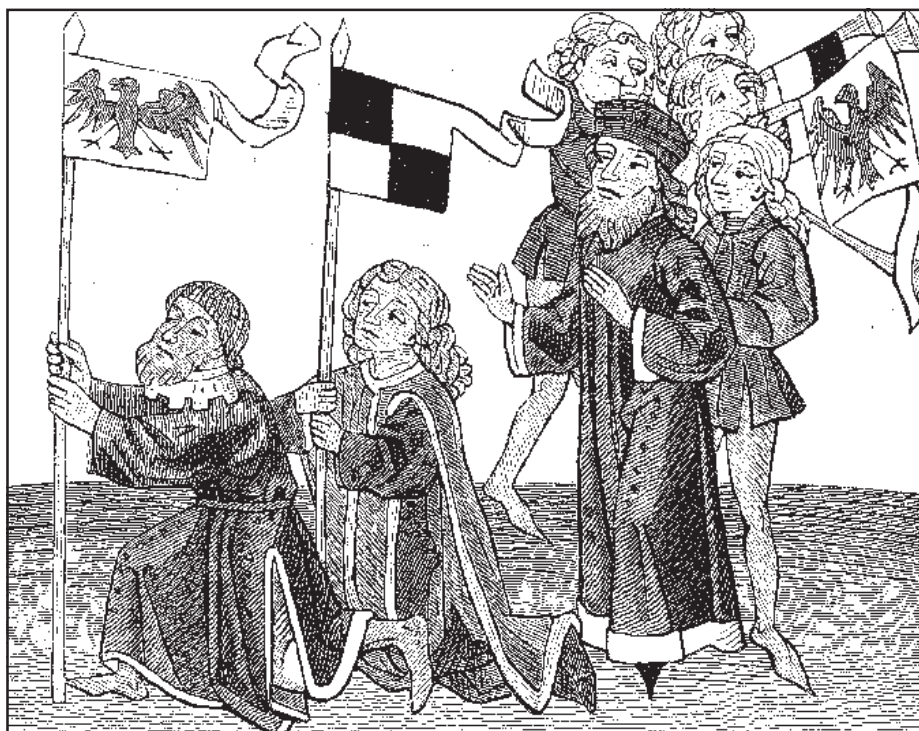
С этого времени борьба собора с папой, епископства с папством потребовала напряжения всех сил и средств базельского синода. Нетрудно было предвидеть, чем она должна была закончиться. Сигизмунд не дожидаясь этого. В декабре 1437 г. он умер в Цнайме в возрасте 70 лет. Императором он был лишь с 1433 г., когда жажда посредничества привела его в Рим. Несмотря на

свои положительные способности и неутомимую деятельность, Сигизмунд не оставил о себе доброй памяти в подвластных ему странах, по крайней мере в Германии, где, впрочем, он имел перед собой неразрешимые задачи.

Важным фактом этой эпохи, хотя почти не затрагивающим внутренней жизни населения, было отношение Сигизмунда к важнейшим фамилиям в государстве, также как и взаимные отношения этих фамилий — Люксембур-

Знатные фамилии в государстве. Гогенцоллерны.

гов, Веттинов, Виттельсбахов, Габсбургов, Гогенцоллернов. Дом *Гогенцоллернов* был среди них самым младшим, его звезда только восходила во время правления Сигизмунда. Согласно фамильному преданию, один из Цоллернов, представителей этого швабского дома, получил при Фридрихе Барбароссе достоинство и почетную должность императорского бургграфа и наместника в Нюрнберге. Место было отличное. На нем человек, умеющий копить деньги, мог приобрести значительные владения. История происхождения как больших, так и малых владетельных княжеских домов довольно прозаична: покупается право владения и данный участок земли за столько-то фунтов геллеров, потом владетель постепенно богатеет и становится сильнее и богаче. Так и Цоллерны укрепились во Франконии среди трудных, но счастливых

для них обстоятельств, и приобретенное ими таким образом стало известно впоследствии под общим названием маркграфства *Кульмбах*. Их потомок Фридрих III (1248 г.) в 1273 г. получил (это было первым актом короля Рудольфа после его коронации) наследственное бургграфское достоинство

для своего дома, которому он тоже завещал свою строго легитимистскую преданность престолу, подобающую истому гибеллину. Его заслуги по избранию графа Рудольфа, которого он сопровождал и на военное поле, уже известны. Фридрих IV, тоже имевший значение в государстве, участвовал в итальянском походе Генриха VII и позднее, служа Людовику Баварскому, решил участь сражения при Мюльдорфе (1322 г.). В споре Люксембургов с Виттельсбахами Цоллерны были на стороне последних. Сын Фридриха IV Иоанн II некоторое время был наместником Бранденбурга при курфюрсте Людвиге Младшем. Но Карл IV примирился с Гогенцоллернами, а король Сигизмунд наградил Фридриха VI за важные услуги возведением его в звание курфюрста *Бранденбургского* (1411 г.). При этом, чтобы не иметь каких-либо столкновений со своим братом Вацлавом, который мог бы предъявить свои наследственные права, он наложил на область долговое обязательство в 150 тысяч золотых гульденов. Она всегда могла быть выкуплена за ту же сумму, но т. к. было невысказано, чтобы у Люксембурга могли когда-либо найтись лишние 150 тысяч золотых гульденов, дело было устроено, и дарование в лен курфюршества совершилось в Констанце 17 апреля 1411 г.

Избрание такого деятельного человека, как курфюрст Фридрих I, на подобное место было для немцев крупным событием и заслугой Люксембурга, потому что оно сдержало могучий напор *славянства*, одержавшего незадолго до этого полную победу над Тевтонским орденом, служившим здесь передовым постом германской культуры. Сигизмунд, выдавая свою грамоту, хорошо понимал это. Такое противодействие было одной из главных задач дома Гогенцоллернов, которая и составляет содержание его истории.

Великий князь Литвы Ягайло принял христианство в 1386 г. и был наречен Владиславом. С помощью своего удачного брака он соединил Польшу с Литвой. Для ордена наступали тяжелые времена: литовцы рады были отомстить ему за долгие и жестокие притеснения. Рыцари не считали священной обязанностью

обращение своих соседей-язычников в христианство. Их крестовые походы в эти области были для них только своего рода рыцарской потехой и предпринимались обычно лишь с прибытием какого-нибудь важного гостя с воинственной свитой, являвшегося для выполнения крестового обета, принятого им на себя ради моды или из стремления к рыцарским похождениям. Подобная борьба с язычеством была безуспешной, можно сказать, даже бессцельной,

Курфюрст
Фридрих I
Бранденбургский.

Тевтонский орден
с 1386 г.
Меч рыцаря
Тевтонского
ордена.
Работа XV в.

но вела к ослаблению ордена, который и без того был слишком малочисленным для всех разнообразных нужд управления страной, для ее обороны и воинственной проповеди. Между тем его ряды не могли легко пополняться с наступлением новых времен, ставивших людям уже иные задачи. При этом переселенческий наплыв прекратился вследствие страшной чумы, свирепствовавшей в середине века на Западе. Орден согласился или вынужден был купить Новую Марку у Люксембурга Иоса Моравского, потому что иначе она была бы продана смертельному врагу рыцарей Ягайле (1399 г.). Но это приобретение только втянуло их в спор с опасным соседом из-за неопределенности границы. Во вспыхнувшей вскоре войне в 1410 г. произошел роковой бой при Танненберге (иначе *Грюнвальде*), решивший участь ордена. Внутренняя слабость рыцарского государства тотчас обнаружилась: города спешили навстречу победителям, Ягайле и Витовту, с изъявлениями своей покорности. Однако победители удовольствовались заключением первого Торуньского мира, налагавшего на орден лишь приличную контрибуцию в 70 тысяч или 100 тысяч шок¹ грошей. Сила ордена была подорвана, и для него было большим счастьем, что в Бранденбургской марке должен был княжить дом, способный ввести в этом важном и опасном пункте твердый государственный строй. Область пришла в большой упадок при столь частых переменах правления, что население не знало, кто, собственно, им владеет, а выродившиеся потомки рыцарей, все эти Квицовы, Путлицы, Роховы, Бредовы, занимались только наездничеством. Фридрих со своими франконскими войсками восстановил в стране порядок и безопасность, причем встретил поддержку у мирной партии. Он заставил разбойничавших рыцарей усмириться, одних добром, других силой оружия, причем большие услуги ему оказало произведение современного военного искусства — громадная пушка, которую он занял у Фридриха, ландграфа Тюрингского. Народ присвоил этому орудию кличку «Ленивая Грета» или «Метце» (Маргарита). Фридрих I пережил императора. Он умер в 1440 г.

Саксония — другое курфюршество, которое переменяло династию при Сигизмунде. Последний из Виттенбергов умер в 1420 г., не оставив потомства. Глава государства передал власть маркграфу Майсенскому Фридриху Строптивому из дома Веттинов, которому он был обязан за помощь, в том числе денежную, во время гуситских войн.

Золотой гульден (флорин) Фридриха I Гогенцоллерна, маркграфа Бранденбургского (он же Фридрих V, бургграф Нюрнбергский).

АВЕРС. В поле — стоящий Иоанн Креститель (как на флорентийских монетах, отсюда название — флорин); слева от него герб Гогенцоллернов, справа — шлем с геральдической фигурой в виде головы гончей. Надпись по кругу: + S + IOHANNES BAP (tista). РЕВЕРС. В поле — бранденбургский орел. Надпись по кругу: + FRIDERIC MAR(c)G(ra)F(ius) B(ra)N(denbur)G(e)N(sis).

Саксонский дом.

¹ Шок — 60 штук.

Вит- Делами дома *Виттельсбахов* были в большом упадке, но споры различных членов этой фамилии, тянувшиеся на протяжении всей первой половины XV в., не представляют общего интереса. Звезда *Габсбургов* тоже как бы клонилась к упадку, но счастье не покидало этот дом, которому предстояло возвеличивание в близком будущем. Герцог Фридрих из ветви Леопольдинов совершил большую ошибку своим безрассудным соглашением с папой Иоанном XXIII, и Швейцарский союз, вечный враг Габсбургов, напал на него, так что «Фридель с пустым карманом», как прозвали его насмешливо многочисленными врагами, вынужден был откупиться от изгнания и отлучения полным отказом от тех земель, которые отняли у него швейцарцы с согласия императора (1418 г.). Но дела дома вознаграждались успехами Альбертинской линии. Сигизмунд возобновил свой наследственный договор с домом Габсбургов в 1409 г., а в 1422 г. выдал свою единственную дочь Елизавету за австрийского герцога Альбрехта V. Сословия *Венгрии* избрали ее в наследницы в случае смерти их короля Сигизмунда, и тот, умирая, еще раз получил от них обещание вручить корону ей и ее супругу, что и было исполнено. Но *чешское* наследство не досталось Альбрехту; католическая партия выбрала его, и он короновался в Праге, но каликстинцы воспротивились этому избранию, и когда Альбрехт отказал им в уступках, они провозгласили королем 15-летнего *Казимира*, брата польского короля Владислава: междуусобная война продолжалась. В Германии, напротив, курфюрсты единогласно избрали Альбрехта королем (18 марта 1438 г.). Они рассчитывали, что королю из Габсбургского дома будет достаточно хлопот с турками и Чехией для того, чтобы он мог слишком сильно и резко проявлять свою королевскую власть в Германии.

Аль- Можно было ожидать, что этот здравомыслящий и степенный человек, находившийся в лучшем зрелом возрасте, заявит свои государственные способности, тем более, что он принял указанное избрание не поспешно, а сомневаясь и обстоятельно размышляя. Однако *Альбрехт II* никак не проявил себя и не сыграл значительной роли в истории Германии. Его правление было непродолжительным и несчастливым. Он находился во главе армии, собранной против турок, но при огромном перевесе сил у османов ему нельзя было и подумать о вступлении в бой. Во время бегства, достигнув венгерской крепости Коморн (Комаром), король Альбрехт умер (октябрь 1439 г.). Ему было лишь 42 года.

Фрид- Его преемником в феврале 1440 г. был избран старейший из живших тогда представителей Габсбургского дома герцог *Фридрих Штирийский*, сын герцога Эрнста Железного. Это был 25-летний юноша, которому предстояло состариться на престоле. Он правил Германией не менее 54 лет, был неспособным и плохим правителем как в политическом, так и в нравственном смысле. Он напоминает Франца II, последнего габсбургского императора в Германии XIX в., и Фридрих кажется еще неспособнее и хуже, чем мог бы казаться, именно потому, что его безрассудный эгоизм, лень и трусость, мелкий, тупой, лишенный всякого высшего порыва характер стояли в жалком противоречии с духом времени, неудержимо стремившимся к обновлению европейской жизни, к великому преобразовательному движению.

Первой задачей, встретившей Фридриха, был церковный вопрос, роковое положение Базельского собора. Французский король Карл VII принял реформы, установленные собором, за обязательные для французской церкви, выразив эту меру в так называемой «прагматической санкции» (июль 1438 г.). Это же сделала и Германия по решению рейхстага, собранного во Франкфурте, что было заявлено королем Альбрехтом в письменном документе (май 1439 г.). Ободренный этим собор, презирая антисобор, созванный в Ферраре и очевидно лишенный всякой почвы, провозгласил папу Евгения IV низложенным (май или июнь 1439 г.). В ноябре он избрал в папы бывшего герцога Савойского Амедея VIII, много сделавшего для своей страны и отказавшегося от трона, чтобы вести отшельническую жизнь, под именем *Феликса V*. Но собор пережил сам себя; многие прелаты покинули его, и в нем брал верх юридический элемент, доктора римского права. Происходившее в Чехии угнетало общий дух, что благоприятствовало возврату папского могущества. С таким настроением следовало считать. Некоторые государства, например, Германия, старались воспользоваться реформами, не высказываясь за них решительно, что было совершенно в духе того времени: все громко восстало против духовенства и церковных злоупотреблений, но старательно сторонились ереси и еретиков и не вдавались в более глубокое сравнение того, что было, с тем, что должно было быть. Энергичный правитель сумел бы извлечь для себя пользу из подобного настроения. При избрании Альбрехта курфюрсты объявили себя нейтральными в борьбе собора с папой Евгением, Альбрехт признал собор законным представителем католической церкви; а низкая душа Фридриха искала лишь личной выгоды, предоставляемой ему этим столкновением. Папа Евгений IV нашел себе полезного и искусного слугу в чрезвычайно способном потомке захудалой дворянской фамилии Энеа-Сильвио Пикколомини, человеку, одержимом жадной славой, денег и чувственных удовольствий. Подобно многим способным, но бесхарактерным людям, он сначала проявлял себя либералом, потом вовремя перекочевал в другой лагерь и наконец очутился на службе у Фридриха III и его канцлера Каспара Шлика — князя Меттерниха своего времени. Энеа принял на себя роль посредника. Прежде всего следовало помешать эмансипации немецкого епископата, высшей духовной аристократии от курии. Это движение было уже в полном разгаре, и чтобы противодействовать ему, следовало подкупить императора и его канцлера. Оба они выиграли от этого, получив приличную сумму чистой монетой, кроме обещанной еще впоследствии, право назначения на сотню духовных доходных мест в наследственных землях, право выбора на шесть епископских кафедр, обещание короновать Фридриха, десятину с немецких церковных учреждений (начало 1446 г.). Опираясь на это, папа Евгений, точно живя во времена Иннокентия III, лишил звания двух имперских курфюрстов, архиепископов Дитриха Кёльнского и Якова (Иакова) Трирского. Император не заявил никакого протеста, но немецкие курфюрсты созвали княжеский съезд во Франкфурте в марте 1446 г., потребовали у императора и папы отмены указанного низложения и настаивали на введении для немецкой церкви тех льгот, которые были присуждены решениями Констанцкого и Базельского

Церковная смута. Папа и собор.

соборов. Евгений согласился на эти требования с обычными оговорками и незадолго до своей смерти отменил это согласие в тайном заявлении. Его преемник *Николай V* также был мастером на всякие уловки, на полусоглашения, столь удобные для поселения раздора между противными сторонами. Конечным результатом этого был обсужденный на рейхстаге в Ашаффенбурге в 1447 г. и заключенный в Вене в феврале 1448 г. конкордат, восстанавливающий все прежние порядки: император лишил Базельский собор руководящей роли, папа Феликс вступил в соглашение с Николаем V, и то, что оставалось от собора, с 1448 г. перенесенного в Лозанну, совсем рассеялось в 1449 г.

*Медаль папы Николая V (1447–1455).
Работа Андреа Гваццалотти. Париж.
Нумизматический кабинет.*